

И. Г. ВОРОБЬЕВА

ПРОФЕССОР Н. И. РАДЦИГ В ПИСЬМАХ К С. И. АРХАНГЕЛЬСКОМУ

В статье представлен первый опыт интеллектуальной биографии профессора, доктора исторических наук Николая Ивановича Радцига (1881–1957) выпускника Московского университета, преподававшего в ряде вузов Москвы Ярославля, Нижнего Новгорода, Твери (Калинина). Жизненный и научный путь ученого рассмотрен через письма к Сергею Ивановичу Архангельскому, хранящихся в архиве Нижнего Новгорода, и на основе архивных документов из фонда Калининского пединститута.

Ключевые слова: *Московский университет, Калинин (Тверь), Горький (Нижний Новгород), преподавание всеобщей истории, Н.И. Радциг, А.Н. Вершинский, С.И. Архангельский, А.С. Башкиров.*

В начале XX в. в России на кафедре всеобщей истории Московский университет преподавали профессоры В.И. Герье, П.Г. Виноградов, Д.И. Петрушевский, А.Н. Савин, Р.Ю. Виппер. Отлаженная система так называемых «оставленных» для подготовки к профессорскому званию студентов давала положительные результаты – была создана новая когорта молодых исследователей. Они вошли в профессию накануне мировой войны и революционных потрясений и остались в ней. После 1917 г. во вновь открытых педагогических институтах и университетах преподавали в основном выпускники императорских университетов, именно они и сформировали советскую школу всеобщей истории.

В их числе были почти одногодки Николай Иванович Радциг (1881–1957) и Сергей Иванович Архангельский (1882–1958). Если труды С.И. Архангельского высоко оценены в исторической науке, то научная биография Н.И. Радцига еще не написана. К 130-летию историка мной была опубликована небольшая заметка, организована выставка работ ученого в Научной библиотеке Тверского госуниверситета, на встречу со студентами приглашены его потомки¹. На них обратили внимание коллеги из Нижнего Новгорода² и предложили копии писем

¹ history.tversu.ru/index.php?option=com_content&view=...; tverlife.ru/news/40176.html.

² Большинство писем Н.И. Радцига к С.И. Архангельскому находятся в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 6299. Оп. 1. Д. 266. 38 лл. Копии сняты доктором исторических наук, заведующим кафедрой историографии и источниковедения Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского Андреем Александровичем Кузнецовым, за что приношу ему искреннюю благодарность. В тексте статьи цитируются письма из этого фонда.

Радцига к Архангельскому, позволяющие глубже понять жизнь провинциального профессора и его окружение. Отмечу, что в жизни Радцига не было серьезных потрясений, выпавших на долю его современников: он не воевал, не подвергался арестам и высылению, не преследовался по политическим мотивам. Но от этого биография историка, прослужившего в сфере образования почти полвека, не теряет для нас интереса.

Для настоящей статьи проанализированы документы из Государственного архива Тверской области (ГАТО), воспоминания бывших студентов Калининского (Тверского) пединститута, письма Н.И. Радцига, устные семейные предания. К сожалению, личного архива Радцига нет, неизвестны мне и письма к нему, написанные коллегами, хотя таковых было немало. В фонде С.И. Архангельского имеется 30 писем Радцига за 1926–1951 гг. Почти все они в конвертах, поэтому можно по штемпелю или содержанию определить точную дату письма (в описи много ошибок). Все письма написаны чернилами, четким мелким почерком, лишь некоторые французские слова трудно разобрать.

Николай Иванович Радциг родился 25 февраля 1881 г. в Москве в семье эмигранта из Австрии, принявшего русское подданство. Этническое происхождение его отца Ивана Антоновича неизвестно, скорее всего он был из западных славян. Сам историк в официальных документах называл себя русским. По сведениям потомков, семья приехала в Москву из Восточной Пруссии. Дед Николая Ивановича Антон-Карл Радциг длительное время жил в Эстонии (позже стал управляющим у знаменитого фабриканта и мецената Нечаева-Мальцева). Отец, Иван Антонович, был лютеранского вероисповедания, но, женившись на православной, детей крестил в русской церкви. Умер он в 1886 г., когда мальчику было всего 5 лет. Его мать, Мария Федоровна (в девичестве Филимонова), происходила из купеческой семьи, долгие годы жила вместе с детьми, скончалась в 1934 г.

Н.И. Радциг окончил с золотой медалью 1-ю московскую гимназию и в 1899 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В 1900 г. студентом того же факультета стал С.И. Архангельский. Младший брат Николая Ивановича Сергей учился тогда же. Он стал впоследствии профессором МГУ, выдающимся специалистом по древнегреческому языку и автором вузовского учебника по античной литературе³. Большая семья Радцигов «дала ряд научных

³ На сайте кафедры классической филологии Московского университета размещены фотографии и сведения по генеалогии братьев Радцигов, называемых в шутку «Братциги». См.: www.philol.msu.ru/~classic/history_russia/radzig/photo/.

работников», как писал в автобиографии сам историк⁴. Родной дядя, Антон Антонович (1843–1906), был статистиком и экономистом, автором работы «Железодельная промышленность всего света» (1897); известны и двоюродные братья: Александр Александрович (1869–1941) – основоположник отечественного турбостроения, ректор Политехнического института в Петербурге; Владимир Александрович (1880–1960) – инженер, специалист в области энергетики и электрификации.

Наставниками Архангельского и братьев Радцигов в Московском университете были академик Александр Васильевич Никитский (древнегреческий язык), профессора Сергей Иванович Соболевский, Василий Осипович Ключевский, Иван Владимирович Цветаев, Павел Гаврилович Виноградов, Владимир Иванович Герье, правоведение читал князь Сергей Николаевич Трубецкой. Обучаясь в Московском университете, Н.И. Радциг написал сочинение на тему «Начало летописи в Риме». По предложению профессора В.И. Герье эта работа была удостоена золотой медали. Гимназическую и университетскую медали Радциг бережно хранил и показывал своим ученикам. В 1903 г. «Начало летописи в Риме» опубликовали в «Ученых записках Московского университета» вместе с сочинением на эту же тему Г. Мартынова⁵.

Оценка двух работ дана в книге М.М. Постникова «Критическое исследование хронологии древнего мира. Том 1. Античность»: «В этом параграфе прореферированы две вышедшие почти одновременно (1903 г.) книги Радцига и Мартынова под почти одинаковыми названиями “Начало римской летописи” и “О начале римской летописи”, отличающиеся тщательностью разбора этого вопроса. В обеих книгах все ссылки на труды Ливия и других римских авторов подкреплены детальными указаниями на конкретные места в этих трудах; весь этот громоздкий технический аппарат здесь опущен, но читатель, который заинтересуется конкретными ссылками, может все их найти. Следует подчеркнуть, что ни Радциг, ни Мартынов не подвергают глобальному пересмотру основы наших знаний о древнем мире; и именно поэтому сообщаемая ими информация особенно ценна. Перечисляя огромное количество странностей в истории начального летописного периода Рима, они, тем не менее, не делают никакого вывода из этого набора противоречий»⁶.

⁴ В автобиографии, записанной 10 июня 1948 г., Н.И. Радциг счел необходимым назвать имена своих родственников. Возможно, это связано с развернувшейся в то время борьбой против «безродных космополитов».

⁵ Радциг 1904. Обе работы ныне часто цитируются, вероятно, благодаря тому, что статья «Анналы» в Большой Советской Энциклопедии содержит ссылки на них.

⁶ imperia.lirix.ru/index.php/content/section/7/5/

Как видим, работы начинающих историков, выполненные более ста лет тому назад, оказались востребованы современным читателем. Их используют и авторы «Новой хронологии», чтобы подвергнуть сомнению все имеющиеся в науке датировки римской истории. Замечу, что обе работы начинающих историков были всего лишь хорошими рефератами европейских книг конца XIX в. Сам же Радциг позднее в письмах к Архангельскому оценивал свой текст так: «Думаю, интереса эта моя работа сейчас не представляет. Она написана в 1901 г., то есть очень устарела» (из письма Архангельскому 19.05.1951).

С 1904 г. по 1908 г. Радциг был оставлен при Московском университете для подготовки к профессорскому званию. Одновременно началась его педагогическая деятельность. По рекомендации В.И. Герье он преподавал историю на Московских Высших женских курсах. С 1910 г. Радциг – профессор историко-филологических курсов, учрежденных В. Полторацкой, и Педагогических курсов имени Д.И. Тихомирова⁷.

В 1907–1908 гг. Радциг сдавал магистерские экзамены, работая под руководством Герье над диссертацией по истории Франции середины XIV в. В 1909–13 гг. им были опубликованы статьи «Политическое собрание во Франции 1302–1303 гг.» и «Общественное движение во Франции 1355–1358 гг.». В эти годы его имя встречается в дневниковых записях профессора Московского университета А.Н. Савина. Так, в 1914 г. он записал: «Ко мне заходил Н. Радциг, закинуть удочку. Он написал несколько статей о французской смуте середины XIV века и спрашивал моего мнения о них. Признался, что Герье осыпал его похвалами. Намекал, что Герье считает их очень хорошими, что их можно было бы представить в качестве магистерской диссертации. Я вежливо, но твердо указал ему, что эти статьи, с моей точки зрения, совсем не похожи на диссертацию, что в них самостоятельные наблюдения теряются в пересказе хорошо уже известных вещей. Радциг притворился, что согласен с моей оценкой»⁸. Отмечу, что Радциг, в отличие от Савина, не получал от университета заграничную командировку и не имел возможности работать в архивах и библиотеках Франции. Лишь в 1909 г. он совершал летнюю экскурсию по Балтийскому морю. Впрочем, самостоятельное исследование можно проводить и по опубликованным документам, ведь языковая подготовка у Радцига была отличной. Он хорошо владел французским, немецким, итальянским, английским и древними языками⁹.

⁷ См.: Личное дело Н.И. Радцига // ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. № 283. Л. 1.

⁸ Савин. 2004. С. 180.

⁹ См.: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. № 283. Л. 2.

Вероятно, мнение А.Н. Савина подействовало, и Радциг обратился к иной теме исследования. Он начал изучать Францию периода Реформации. В «Журнале министерства народного просвещения» он опубликовал большую статью «Общество святых даров во Франции XVII века», а позднее, в сборнике в честь профессора Н.И. Кареева, – статью «Страницы из истории католического возрождения во Франции XVI в.». Эта работа требовала не вновь открытых архивных документов, а внимательного анализа уже изданных трактатов. Личная библиотека Радцига содержала большую коллекцию французских изданий. Он ею очень дорожил и сохранял в своей квартире в годы войн и разрухи. В письмах к Архангельскому он не раз выказывал беспокойство по поводу библиотеки, составлял ее каталог, предлагал коллеге лично посмотреть необходимые для работы книги и забрать их в Горький. К сожалению, после его смерти большая часть библиотеки была продана.

В годы Первой мировой войны Н.И. Радциг, занимаясь преподаванием, продолжал научные занятия. Он активно включился в заседания возобновившего свою деятельность Исторического общества при Императорском Московском университете, бессменным председателем которого оставался Герье. В издании Общества «Исторические известия» Радциг опубликовал несколько рецензий. Так, в № 1 за 1916 год он сообщал об издании во Франции писем Монтескье. Там же был опубликован его критический анализ монографии Д. Петрова «Ликвидация сеньориального режима во Франции», изданной в Киеве в 1915 г.

К сожалению, магистерская диссертация не была завершена к 1917 г., а после революции, когда ученые степени были отменены, актуальность в защите отпала. Однако должность профессора по кафедре всеобщей истории Радциг все же получил в 1922 г., о чем свидетельствует копия выписки из протокола № 40 заседания научно-политической секции государственного ученого совета от 8 декабря 1922 г.¹⁰

Голод и отсутствие денежного содержания вынудили Радцига искать место преподавателя вне Москвы. В 1919 г. он несколько месяцев был в Нижнем Новгороде. Вероятно, общался там и с Архангельским, которому позднее писал: «Хотя с Нижним у меня прямые связи порвались уже с 1919 г., но я всегда о нем вспоминаю с удовольствием и никогда не забуду, что в аудитории Народного университета, а потом Государственного некогда находил внимательных и чутких слушателей» (из письма к С.И. Архангельскому от 29.02.1929). И все же Архангельский полагал, что деятельность Радцига имела значение для истории универ-

¹⁰ См.: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. № 283.

ситетского образования в Нижнем и просил написать об этом подробнее. В ответ Радциг сообщал: «Что касается Вашего предложения представить о себе сведения по Нижегородскому университету, то не знаю, стоит ли это делать. Ведь я в Нижегородском университете пробыл 4 месяца – срок очень маленький, да и следов моей деятельности там не осталось. Моя работа там пала на последние месяцы 1919 г. Это было время очень тревожное, слушателей было мало, лекций мы, москвичи, прочитали очень мало. Помню лишь, что из Москвы в Нижний выезжали П.А. Расторгуев, А.Ф. Лосев, С.В. Шувалов, Н.Г. Бережков, С.Ф. Елагин. Все они живы и сейчас, кроме Шувалова. Но я не думаю, чтобы от них сохранилось что-либо прочное в Нижнем–Горьком»¹¹.

С осени 1919 г. Радциг начал ездить в более близкое место от Москвы – в Тверь, куда поезд шел всего около четырех часов. До 1924 г. он еженедельно ездил туда читать лекции по всеобщей истории для студентов сначала учительского, затем педагогического института. По воспоминаниям студентки Лидии Бариновой, первый приезд Радцига был сопровожден трагикомическими обстоятельствами:

«Одним из первых согласился поехать в Тверь читать лекции Николай Иванович Радциг – историк. Мы взяли ему билет, провели его служебным ходом, посадили в вагон, около которого стоял часовой с ружьем. Только мы уселись, как поднялся шум, зазвенели разбитые стекла, раздались выстрелы. А надо сказать, что Н. Ив. жил с братом и старушкой-матерью в одном из тихих переулков Арбата, и 10 лет он никуда из Москвы не выезжал. Услышав выстрелы, он взмолился: выпустите меня, не проеду я с вами, меня убьют. Мы ему говорим, что сейчас мы ничего не можем сделать, служебным ходом Вас не выпустят, а выйти из вагона нельзя: Вас сразу же раздавят. Ему пришлось с нами согласиться. В Твери Николая Ивановича встретили хорошо, его накормили, напоили, как говорится, и спать уложили. На его лекции пришли не только историки и литераторы, но и студенты других факультетов. Радциг самым аккуратнейшим образом ездил в Тверской пединститут несколько лет»¹².

Работа в Твери в те годы была трудной. У института не было постоянного помещения, студенты и преподаватели жили впроголодь, книг не хватало, а иностранные издания и вовсе были редкостью. Тверскую ученую архивную комиссию распустили, издательской деятельностью никто не занимался. В городе слой интеллигентных людей был очень узок, а профессиональное историческое сообщество – совсем малочис-

¹¹ Письмо к С.И. Архангельскому 24.09.1949. В деле письмо без указания года помещено в письмах 1943 г., что не соответствует описываемым в письме событиям.

¹² *Баринова Л.П.* Мои воспоминания о строительстве Тверского (Калининского) пединститута и первых годах его существования (1817–1920 гг.). Рукопись. Запись 1967 г. 28 сентября. С. 506. См.: ОРК. Научная библиотека ТвГУ.

ленно. Почти все преподаватели пединститута были приглашенными: так, читать лекции по всеобщей истории приезжали известные советские медиевисты Н.П. Грацианский и С.Д. Сказкин, знакомые Радцигу по Московскому университету. Тем не менее, о работе в Твери у Радцига сохранились хорошие воспоминания, а в 1939 г. он вновь сюда вернулся.

Но для Радцига с середины 1920-х гг. более привлекательным становится Ярославль. Там в педагогическом институте на кафедре классической филологии преподавали его младший брат Сергей Иванович¹³ и его товарищ историк Валентин Николаевич Бочкарев, учивший тогда же студентов и Нижегородском педагогическом институте (бок о бок с Архангельским)¹⁴. Радциг, получив профессорскую должность, с ноября 1924 г. читал курсы «Феодализм и торговый капитал в Европе» и «История Французской революции до Парижской коммуны»¹⁵. Есть сведения, что в 1925 г. ректорат института ходатайствовал о предоставлении Н.И. Радцигу двухмесячной командировки в Париж для работы в архивах и книгохранилищах. В начале 1929 г. в Ярославском пединституте (ЯПИ) торжественно отмечался 25-летний юбилей его преподавательской деятельности, которая началась с 1904 г., планировался выпуск трудов. В письме к Архангельскому от 5.02.1929 Радциг писал: «Приношу Вам горячую благодарность за Ваше сердечное поздравление по случаю 25-летнего юбилея. От души желаю дожить и Вам до такого юбилея в Вашей работе, а мне иметь возможность поздравить тогда Вас».

Включился Николай Иванович и в художественную жизнь города. Так, в Ярославском литературном кружке он читал доклады о «Гартюфе» Мольера, о французской писательнице мадам де Савиньи и др. Делал он выступления по истории европейской литературы и в Москве в Доме ученых. Но вскоре после этого ЯПИ вступил в длительную полосу «чисток» и травли «буржуазных» специалистов. В.Н. Бочкарев в 1930 г. был арестован, а Радциг уволен за «антимарксистское чтение курса». Сам профессор писал позднее в автобиографии, что причина его решения оставить Ярославль «заключалась в травле, которую вели против приезжавших из Москвы преподавателей местные безответственные элементы, доведшие общественно-экономическое отделение пединститута до полного развала и ликвидации его»¹⁶. Тем не менее, Радциг успел написать и опубликовать в Ярославле в 1929 г. две важные работы:

¹³ Профессора ЯГПУ. 2008. С. 144. Материал предоставлен А.М. Ермаковым, за что высказываю ему искреннюю благодарность.

¹⁴ Кауркин, Кузнецов, Сапон и др. 2011. С. 64.

¹⁵ Ермаков. 2001.

¹⁶ См.: ГАТО. Р-1213. Оп. 57. № 238. Л.6.

«Дюпле в Индии» и «Этюды из истории международных отношений в XIX и XX вв.». Как видно из названий, эти работы совсем не связаны с его магистерской диссертацией.

Вернувшись в Москву, где он имел по совместительству ставку в государственной консерватории, Радциг продолжил преподавание, но не истории, а иностранных языков. Служба в консерватории не очень нравилась ему. В 1931 г. он писал Архангельскому: «С 1 сентября впрягаюсь в десятидневную лямку скучных занятий не по специальности». В письме от 25.10.1934 историк жаловался: «Про себя скажу Вам, что живу без перемены, без перемены в том смысле, что продолжаю преподавать немецкий язык и только. Думаю, что возвращение под сень истории для меня невозможно – я чересчур люблю эту науку, чтобы ее подчинять каким бы то ни было требованиям со стороны. Да и меня, как историка, я думаю, уже успели позабыть и с предложениями не обращаются».

В консерватории ему предлагали делать переводы: «Взялся я сейчас за работу, мало говорящую и уму и сердцу – за перевод музыкальных текстов – латинских [неразборчивое прилагательное] и пр. Теперь каюсь, что с этим связался – очень скучно и трудно из-за специфичности материала. Да и то заниматься этим переводом приходится урывками. Время занято преподавательской работой и всякого рода хлопотами». Тем не менее, Радциг продолжал научные исследования, хотя изучать всемирную историю было непросто: «Из-за границы выписывать ничего не приходится – нашему брату кредитов не дают. А литература нужных книг все растет. И по Суэцкому вопросу уже имеются новинки, которые знаешь, увы, только по заглавию. И чем дальше, тем хуже. Политический горизонт заволакивают тучи. И мне почему-то кажется, что приближается большая европейская война, угрожающая погрести под развалинами последние остатки европейской культуры» (из письма С.И. Архангельскому от 11.12.1933).

Но напряжение возрастало не только в Европе. В письме к Архангельскому от 16.05.1935 Радциг сообщал: «В.Н. Бочкарев снят с работы по вузам, но так ли это, не знаю; самого его давно не видел. Недавно появился на горизонте Сказкин, просидевший три года в сумасшедшем доме, теперь опять принялся за “историю”, пишет». Товарищ, коллега Архангельского и Радцига В.Н. Бочкарев, как уже сказано, был арестован в 1930 г., вскоре освобожден, но неприятности у него продолжались. Яснее об этом Радциг, видимо, писать не решался. Многие вопросы обсуждались во время личных встреч в Москве.

В автобиографии 1939 г. Радциг так оценил тот период: «Преподавание языков, незначительное количество занятых часов давало мне

возможность выполнить за эти годы много больших и ответственных работ». Какие же работы историк называл ответственными? Вместе с профессором С.И. Ковалевым он перевел V том «Римской истории» немецкого историка Теодора Моммзена, выходявшей в Москве в 1936–1948 гг. Занимался Радциг и переводами с французского: перевел с примечаниями два трактата XVI века – «Рассуждение о добровольном рабстве» Этьена де Ла Боэси¹⁷ и «Трактат о реликвиях» Жана Кальвина. В октябре 1940 г. Радциг писал Архангельскому: «Вообще из Кальвина мною переведено очень много – крупных и мелких фрагментов, но все это лежит в моем портфеле *ad Calendas graecas*». Увы, забегая вперед, скажу, что переводы Радцига так и не были опубликованы.

Много времени Радциг проводил в библиотеках, он хорошо был осведомлен о литературе по всеобщей истории. В письмах Архангельскому он часто сообщал книжные новости, предлагал необходимые тому библиографические сведения. Так, в письме от 19.01.1936 читаем:

«Что касается Вашей просьбы насчет общего пособия по истории Индии, то, к сожалению, такового не имею. Очень советую использовать Э. Реклю, у которого много материала, потом те пособия, которые у меня указаны и которые я в свое время получал в Институте Маркса–Энгельса–Ленина, наконец старую книгу Л. Русселе Индия Раджей. После окончания моей работы о Дюпле вышло немало книг по истории Индии. Мои библиографические сведения восходят не позже 1933 г. Сейчас не имею доступа ни в И.М.Э.Л., ни в библиотеку Ком. академии, а в других местах теперь не выписывают ни *Revue hist.*, ни *Hist. Zeitschrift*, ни *Bibl. De la France*. Для Вас всего бы нужнее была книга *Hanotaux Hist. des colonies francaises*. Paris. Plon. 1932. Там в V томе помещена история Индии и Индокитай, написанная Мартино и др. Эта книга имеется в библиотеке Ком. академии, и я думаю, Вы могли бы ее выписать через Библиотеку Нижегородского университета. Кроме того, советую посмотреть ст. Бувы в *Rev. des D. Mondes* 15 avg. Рекомендую также книги: Martinean et May *Fablean de l'expansion europeennnt à travers le Monde de la latin du XVIIIs an début du XIX*. Leroux. Paris 1935. Mognac de Bomier *L'Empire britannique...* Большинство этих книг известно мне только по названию или кратким заметкам в журналах».

Сам Радциг в те годы занимался изучением истории Суэцкого канала. Так, в 1938 г. он прочел в заседании сектора истории средних веков доклад на тему «Суэцкая проблема в Средние века», готовил большую работу «История прорытия Суэцкого канала», собирал материалы для монографии «Экспедиция Бонапарта Наполеона в 1798 г.». Одновременно он продолжал сотрудничать в издательстве Большой советской энциклопедии.

По предложению журнала «Историк-марксист» Радциг написал статью для сборника в честь 150-летия Великой Французской революции

¹⁷ Имя мыслителя в письмах к Архангельскому написано как «Лабоэси».

– «Французская Индия в эпоху Революции 1789 г.». Она была связана с его прежней публикацией «Дюпле в Индии 1722–1754 гг.»¹⁸. Оценка этой работе дана известным российским востоковедом А.Б. Капланом:

«Единственной специальной монографией, посвященной интересующей нас теме, является книга профессора Н.И. Радцига “Страница из истории французского империализма XVIII в. Дюпле в Индии. 1722–1754”. Эта книга представляет собой биографию генерал-губернатора Французской Индии Дюплекса¹⁹. Используя большую литературу на разных языках, Н.И. Радциг в основу своей работы взял многотомное исследование французского историка Мартино «Дюплекс и Французская Индия»... Пяти томный труд Мартино является, по существу, подробной сводкой фактов, собранных на основе изучения тысяч документов, которые хранятся в архивах Франции и Индии. Автор почти не вмешивается в изложение фактов, стремясь избежать какой-либо тенденциозности, но это ему не всегда удается; вольно или невольно Мартино остается пристрастным к своему герою. Н.И. Радциг, талантливо изложивший в небольшой книге биографию Дюплекса, во многом следует настроению Мартино. Он концентрирует внимание на личности Дюплекса, не уделяя достаточного места другому крупному деятелю Французской Индии – Бюсси... как ведущей фигуре колониальной Индии XVIII в.»²⁰.

Мысль ясна: Н.И. Радциг талантливо пересказал книгу французского автора, но сама книга была сводом многочисленных фактов.

В 1930-х гг. Радциг продолжал и изучение Реформационного движения в Швейцарии. Будучи избран в 1936 г. внештатным сотрудником сектора истории средних веков недавно организованного Исторического института АН СССР, он деятельно участвовал в его заседаниях. О делах в секторе он сообщал Архангельскому:

«О моем положении в Академии пока не могу сообщить ничего определенного. Штаты и самая конструкция секторов совершенно не оформлены. Предполагается иметь два типа сотрудников – штатных и по договору. Мне, конечно, не приходится рассчитывать попасть в число первых; работать же по договору очень трудно – нет пособий, а следовательно, не может быть и речи о выполнении намеченного плана. Значит, нечего и думать о том, чтобы бросить свою теперешнюю службу, а это в свою очередь лишит возможности заниматься по своей исторической специальности. Пока единственный прок от своего положения вижу в том, что получил пропуск в библиотеку Ком. Академии; впрочем, она очень бедна и дает мне очень немного» (письмо 29.05.1936).

По заданию сектора Радциг написал главу для 5 тома «Всемирной истории», издававшейся АН СССР. Его доклад «Реформационное движение в Швейцарии» получил одобрение на заседании сектора, и, вдохновленный признанием коллег, Радциг дописал монографию «Школа в

¹⁸ Радциг Н.И. 1929.

¹⁹ Такое написание принято в Советской исторической энциклопедии.

²⁰ См.: Каплан. 1979.

Женева в эпоху Кальвина». Он решился защищать ее как докторскую диссертацию. Архангельский защитил докторскую диссертацию раньше, в 1938 г. 27.10.1940 Радциг писал ему: «Вчера представил в канцелярию истфака (МГУ. – И. В.) свою диссертацию «Школа в Женеве при Кальвине. Страница из истории Реформации XVI в.». Рецензентами надеюсь иметь С.Д. Сказкина, В.М. Лавровского и А.А. Фортунатова». Это письмо в Горький было отправлено из Калинина, куда Радциг вновь приехал на работу в пединститут в 1939 г.

Почему он решился покидать Москву еженедельно, неизвестно. Там оставалась семья, в 1931 г. родился сын Александр²¹. Возможно, вновь в Калинин (хотя город в 1931 г. был переименован в Калинин, Радциг в довоенных письмах часто писал “Тверь”) Радцига привели какие-то личные обстоятельства. Маем 1939 г. датировано его заявление: «Прошу зачислить меня в сотрудники Калининского пединститута в качестве профессора всеобщей истории и предоставить руководство кафедрой всеобщей истории в институте. Curriculum vitae и список печатных моих работ прилагаю». Приказ о назначении Радцига профессором датирован 1 сентября, но заведовал кафедрой он очень недолго²².

О начале работы Радциг сообщал Архангельскому:

«С 1-го сентября я работаю в Калинин. Вернее я начал свою деятельность там еще летом, когда я занимался на учительских курсах. В Калинин в этом полугодии я занят 4 дня, вследствие чего не могу пока посещать занятия в АН, о чем очень сожалею. В будущем полугодии занятий у меня будет меньше, тогда буду бывать и на этих заседаниях. Работа в Калинин довольно трудная. Много затруднений с помещениями, из-за которых Институт ведет борьбу с Горсоветом. Среди студентов встречаются довольно недисциплинированные типы, которые пользуются общим затруднением и вносят в учебную жизнь много осложнений. Трудно и жить в Калинин, без книг, без семьи, бегая по ресторанам и кафе... Не знаю, как долго все это удастся выдержать».

Тем не менее, в должности профессора Николай Иванович прослужил в Калинин с перерывом на войну до осени 1948 г.

Радциг приехал в Калинин на вакантное место после отъезда С.В. Фрязинова, тоже выпускника Московского университета, ученика А.Н. Савина. Фрязинов читал лекции по истории средних веков, был внимателен к заботам студентов, помогал библиотеке покупать нужные книги по всеобщей истории, в том числе по истории Французской революции²³. С книгами ситуация в вузе стала иной, нежели в 1919 г., но,

²¹ Впоследствии профессор Московского авиационного института.

²² С 4 ноября 1939 г. на эту должность была назначена О.И. Бершадская, член ВКП(б), выпускница Комакадемии.

²³ Подробно см.: *Воробьева, Кузнецов*. 2011.

конечно, не такой, как в Москве. Изменился и педагогический коллектив. Отечественную историю с 1922 г. преподавал выпускник Петербургского университета профессор Анатолий Николаевич Вершинский (1888–1944)²⁴. В 1938 г. на работу был принят профессор А.С. Башкиров (1885–1963) – археолог и востоковед, тоже петербургский выпускник. В начале 1940 г. Радциг писал: «Я в настоящее время в Москве; отдыхаю от своих поездок в Тверь. Необходимость ездить туда еженедельно очень меня утомляет, да и обстановка там не особенно привлекательная. За исключением одного Вершинского, остальные сослуживцы поражают прямо своим невежеством и одновременно самомнением».

О Башкирове в письмах к Архангельскому нет упоминаний, думаю, по определенным причинам. Алексей Степанович Башкиров был принят в Калининский пединститут 20 августа 1938 г., в ГАТО имеется его Личное дело²⁵, но в нем нет сведений об арестах Башкирова в 1935 и 1937 гг. В Калинин он явно находился под наблюдением соответствующих органов. Личное дело профессора А.С. Башкирова содержит важные документы о его научной и педагогической деятельности. Они могли бы помочь в написании биографии ученого, а это необходимо, так как в сочинениях А.А. Формозова и его «преемника» В.А. Бердинских Башкиров представлен доносчиком и виновником гибели своих коллег. Жажда выполнять прокурорские функции в последние годы охватила многих публицистов от истории, не помнящих библейскую заповедь «Не судите, да не судимы будете». В Калинин Башкиров находился на должности профессора кафедры всеобщей истории, читал лекции по древней истории, проводил археологическую практику со студентами в Крыму, готовил аспирантов – вплоть до 1948 г. Затем его профессорская карьера связана с Ярославским пединститутом²⁶.

Как прошла для Николая Ивановича Радцига первая половина 1941 г., не знаем, но в письме от 3 июля, полагаю, 1941 г.²⁷, сказано:

«Дорогой Сергей Иванович! Только что получил любезно Вами присланную брошюру Пиренна. Очень благодарю за книжку и за память. Живу по-прежнему. Учебный сезон почти закончился. Эти два месяца занят буду меньше – остаются экзамены и заочки. Что будет осенью, никто не знает. Очень остро стоит вопрос с новым приемом. Найдутся ли желающие поступать в Пед. институты? Очень отраднo, что Ваш Институт выпускает свою научную продукцию. У нас что-то об этом никто не думает. Я сейчас закончил небольшую работу страниц 75 печатных – «Исторические корни гитлеризма» ч. I до 1815 г.,

²⁴ См.: Профессор Анатолий Иванович Вершинский... 2005.

²⁵ См.: Личное дело А.С. Башкирова // ГАТО. Ф.Р-1213.опись 57. № 30.

²⁶ См.: Профессора ЯГПУ. 2008. С. 19.

²⁷ А.А. Кузнецов предположительно датирует это письмо 1942 г.

но как ее вывести в люди, не знаю. И многое у меня лежит под спудом, все по той же причине. Как Вы вообще поживаете? Какие планы на осень, от кого из общих знакомых имеете письма?».

В сентябре 1941 г. занятия в Калининском пединституте начались как обычно. По воспоминаниям дочери А.Н. Вершинского Аллы Анатольевны, Радциг читал лекции по истории средних веков, как всегда, блестяще. Однако фронт быстро подходил к Калининскому. Радциг поехал к семье в Москву, а в середине октября немцы уже были в городе. Вершинский с детьми еле успел добраться до Кашина, где пробыл до освобождения Калинина 16 декабря 1941 г. Почти все преподаватели пединститута эвакуировались далеко, Радциг же остался в Москве. О своей первой военной зиме он написал Архангельскому и Вершинскому²⁸. В письме к Вершинскому в феврале 1942 г. Радциг жаловался:

«Сейчас в Москве жить очень трудно. Тяжелее всего — холод. Сегодня у меня в комнате +2½°C. На улице ветер и стужа. Топлива нет, дожигаем последние дрова. Центральное отопление прекратилось с 28 января. Никаких надежд на получение дров или угля. К счастью, последние пять дней исправно работает электричество. С удовольствием очень туго. Боюсь расхвораться. Поддерживаешь себя только надеждой на будущее. На грех, такая стужа, чувствую, что отморозил себе руки и ноги. Когда же, наконец, весна?»

Пожилой профессор устроился на работу в Московский университет, заняв место эвакуированных преподавателей. Об этом он сообщал Архангельскому 28.05.1942. Приведу это письмо почти полностью, так как его содержание важно для понимания ситуации в Москве:

«Многоуважаемый Сергей Иванович! Вчера получил Ваше письмо от 15 мая. Я прочно сижу в Москве. Со времени катастрофы с Калининским я никуда не езжу. Пользуясь выездом из Москвы большинства историков, я получил занятия по новой истории в нескольких вузах — М.Гор.П.Инст., М.Гос.П.Инст., МГУ и Лит.Инст-а. Везде имею часовую оплату, впрочем, надеюсь получить полставки в М.Гос.П.И. Работа в вузах дала мне рабочую карточку и пропуск в столовую МГУ. Без этого приходилось погибать, т.к. на рынке, кроме молока и редьки, ничего не достанешь, да и то по дорогой цене. Особенно тяжело было в марте, т.к. раб. карточку и пропуск в столовую получил лишь с 1 апр. Зиму вообще пришлось помучиться. Температура спускалась до +1½°. Руки коченели, мозги плохо соображали. Вторую такую зиму не переживешь. Как дело было у Вас? За зиму кое-кто из историков убрались к праотцам — Гревс, Жебелев, Мороховец, Моравский. Другие в отъезде. Лавровский — во Фрунзе, Сказкин — в Ашхабаде, Петрушевский — в Казани. Впрочем, многие из «эвакурейцев» уже вернулись — Ефимов, Зубок, Панкратова; другие сидят на подъездах к Москве, их вполне резонно не пускает к нам милиция. Думаю, что, в конце концов, многие

²⁸ Письма к Вершинскому опубликованы (*Чубарова А.* Преподаватели Калининского пединститута в годы Великой Отечественной войны (письма профессора Н. И. Радцига профессору А. Н. Вершинскому)), но тираж этого издания мизерный.

прорвутся и тогда повыгоняют с мест всех тех, кто получил работу в вузах, где они были перед бегством. Особенной изобретательностью по части проникновения в Москву отличаются «испанцы».

Научная работа в Москве начинает понемногу оживать. При МГУ формируется англо-американская группа историков, подбирают сотрудников. Я указал Вас и В.Ф. Семенова. Из книжных новинок могу указать только одну – том Новой истории изд. АН СССР, посвященный Великой французской революции. Намечено перевести в Москву издательство АН. Вы интересуетесь Д.М. Петрушевским. Я изредка переписываюсь с ним. Он что-то чувствует себя неважно – сердце. На всякий случай сообщаю его адрес – Казань 43. Ново-Сибирская ул. Д. 6. Если Вы ему напишете, он, конечно, будет рад, он очень скучает²⁹. Из др. общих знакомых часто встречаю Бочкарева.

В общем, работы много, все устали, настрадались, ждем не дождемся разгрома гитлеризма. Сейчас еще хорошо – нет ночных налетов, а то конец прошлого года был очень тревожен. Но я никуда не ездил, опять потому, что был уверен, что Москву не сдадут, отчасти потому, что мыслил словами Пушкина: «И хоть бесчувственному телу равно повсюду истлевать, но ближе к милому пределу мне все б хотелось почивать». И выиграл. Что будет дальше, предсказать, конечно, трудно, но думается, худшее уже позади».

Худшее для Радцига действительно было позади. Уже в январе 1942 г. Вершинский писал из освобожденного Калининa и настойчиво звал на работу. Вскоре и дирекция пединститута направила официальный запрос с предложением вернуться. В ответ Радциг писал, что пока не может оставить преподавание в Москве. Вершинскому он объяснял:

«Про свою работу в Москве скажу только, что она даёт мало удовлетворения. Ни в одном из четырёх мест не чувствую себя прочно. Связан только временным соглашением. В МГУ кончаю в мае, в Московском городском педагогическом институте всё уже закончил, в Литературном институте кончаю через две недели. Остаётся Московский государственный пединститут им. Ленина – там у меня один курс закончен, другой ещё потянет при небольшом количестве часов; останутся также заочники по 4 часа по воскресеньям. Выполнил своё положенное, и конец. Где-то далеко сидят «хозяева», которые издалека следят за Вами, боятся Ваших успехов, чтобы при случае сесть обратно на своё место. У них остались в Москве единомышленники и приятели, которые при случае подставят Вам ножку. Вас терпят до поры до времени только потому, что на Ваше место пока некого посадить. Найдётся такой человек, и Вы во едином часе окажетесь за бортом. Это отравляет работу. А потом и тяжёлые внешние условия. Холод в помещении. Слушатели сидят, скорчившись, и не могут за нами записывать, ожидают минуты, чтобы куда-то побежать и согреться. Учебных пособий пока достать трудно, т.к. здешние вузы (неразборчиво) были к эвакуации».

Осенью 1943 г. Николай Иванович все же вернулся преподавать в Калининский педагогический институт. В приказе от 01.10.1943 гово-

²⁹ Получив адрес, Архангельский тут же написал академику в Казань и отправил ему изданную в русском переводе книгу Анри Пиренна. Петрушевский ответил с благодарностью 6 июля 1942 г. См.: Кузнецов, 2009. С. 165.

рилось о его назначении на должность профессора по кафедре всеобщей истории³⁰. В июне 1944 г. в Совете МГУ он защитил диссертацию на тему «Школа в Женеве при Кальвине», а 10 февраля 1945 г. был утверждён в ученой степени доктора исторических наук³¹. В письме к Архангельскому от 9.06.1945 об этом событии написано следующее:

«Сегодня вечером еду в Калинин, где пробуду до 15 июня. Там меня очень ценят, в связи с получением мною степени меня премировали месячным окладом и ботинками». И далее - о научных занятиях:

«В Москве работаю в БСЭ над словариком по истории Франции, Нидерландов и Швейцарии. Работа трудная и нудная. Очень скорблю, что ничего не удастся напечатать. Последний год потерял связи и с АН, т.к. все хворюю и сижу дома. Выезжаю на 5 дней два раза в месяц. Насчет рекомендации Вам научного работника по Новой истории подумую. Дело это не легкое. Мы в Калининне не имеем тоже специалиста по истории СССР и по истории Нового Востока».

Подробнее о работе исторического факультета Калининского пединститута в 1943–1945 гг. Радциг написал в «Историческом журнале», упомянув и о своей докторской защите в МГУ³². О докторской диссертации Радцига сообщают многие общие труды по истории советской медиевистики. Но текст диссертации никто не подвергал анализу, и возникают разные нелепицы. Так, в одном автореферате (2011 г.) сказано, что диссертация защищена в Калининне как кандидатская. Явно с диссертацией Радцига произошла ситуация: не читал, но скажу...

Общение в Москве с коллегами из Института истории позволило Радцигу принять участие в публикациях нового издания – «Средние века»³³. В сборнике, посвященном памяти акад. Д.М. Петрушевского, он опубликовал статью об Этьене де Ла Боэси. В этом же сборнике напечатана статья Архангельского. Оба историка представляли учеников Петрушевского. Над переводом трактата Ла Боэси Радциг, как уже упоминалось, работал еще до войны³⁴. Текст перевода этого трактата Радциг не мог опубликовать, о чем очень сожалел в письмах к Архангельскому: «...многое так и не удалось напечатать. В этом виноваты инертность Калининского института и отсутствие связей в издательствах». Известно, что Ф.А. Коган-Бернштейн издала в серии «Литературные памятни-

³⁰ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. № 283. Л 28.

³¹ См. выписку из протокола ВАК от 10 февраля 1945 г. ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. № 283Л. 31.

³² См.: Исторический журнал. 1945. № 4. С. 110–111.

³³ Радциг. 1942; 1946.

³⁴ С этими материалами он ознакомил и своих студентов. В.В. Малиновский, учившийся на истфаке Калининского пединститута в 1945–48 гг., вспоминал, что написал реферат по трактату «Рассуждение о добровольном рабстве» и выступал с докладом в студенческом научном кружке. Малиновский. 1998. С. 26.

ки» в 1952 г. трактат Э. Ла Бозси. Но какое отношение имел к этой публикации Радциг, неизвестно. Также неизвестна и судьба всех других неопубликованных работ Николая Ивановича. Осенью 1948 г. он писал Архангельскому: «Очень жалею, что не могу посещать библиотеку АН; а это мешает мне закончить ряд моих долголетних трудов. После меня все это погибнет, т.к. мой единственный сын и наследник не питает интереса ни к истории, ни к литературе».

В феврале 1946 г. Радцигу исполнилось 65 лет, но он продолжал преподавать в Калининне. 4 марта 1946 г. к Архангельскому он сообщал:

«Недавно исполнилось 65 лет. Пережитое за годы войны даёт себя чувствовать. В Калинин езжу на 4–5 дней раз в две недели. Там 8 февраля произошло большое несчастье: от неисправности дымохода сгорел аудиторный корпус. В огне погибло несколько кабинетов, в том числе и исторический. У меня погиб весь курс истории средних веков, несколько книг, записок и т.д. Приходится свой курс восстанавливать по запискам слушательниц. В Москве я почти никуда не хожу, кроме Литературного института, где два раза в неделю, когда бываю в Москве, читаю лекции по Средним векам. Врачи велят больше лежать, вечером плохо вижу и ложусь рано спать. Подвожу итоги своим научным работам. Много готовых статей для печатания, но их так трудно пристроить. В Калининне теперь занят совсем другим. Сейчас работаю над большим трудом «Чамберра»³⁵; летом думаю его закончить, конечно, если позволит здоровье».

Архангельский в свою очередь сообщал коллеге новости, но, будучи человеком скромным, о росте своей карьеры не писал. Радциг, узнав из газет об избрании Сергея Ивановича в члены-корреспонденты АН СССР, 5.12.1946 писал: «Спешу Вас поздравить и пожелать всего хорошего, главное здоровья, на новом поприще деятельности». В ответ он получил из Горького душевное письмо, на которое отвечал 15.12.1946:

«Получил Ваше письмо, и, естественно, ожили воспоминания далеких лет! Вашу просьбу насчет подбора оттисков моих работ постараюсь выполнить в ближайшие дни. Т.к. из Горького или Вы или кто другой бывают в Москве, то самое лучшее, если Вы зайдете ко мне. Но можно сделать и так – я передам собранное В.М. Лавровскому, с которым Вы часто видите. Известите, что Вам больше улыбается». Далее Радциг обращался к коллеге с просьбой: «26 декабря в Калининне собираются чествовать “стариков”, в том числе и меня (мне уже 65 лет). Для меня, конечно, было бы очень приятно, если бы Вы прислали мне к этому дню какое-нибудь поздравление. Таковое следует направить декану истфака Василию Петровичу Тугаринову (ул. Урицкого, здание Гос. пединститута)».

Скорей всего, Архангельский такое поздравление отправил.

Профессора Радцига душевно поздравили с юбилеем студенты Калининского пединститута. Он сохранил листки, написанные от руки цветными карандашами, и любительские стихи. Хорошие отношения

³⁵ О чем идет речь, мне не ясно. Так читается в письме Н.И. Радцига.

сложилось у Радцига и с аспирантами. Радциг занимался с аспирантами латинским и древнегреческим языком, принимал кандидатские экзамены. Позднее бывший аспирант А.С. Башкирова Василий Сергеевич Тарасенко (1919–1976) рассказывал студентам истфака, чему я была свидетель, о Радциге как выдающемся историке-медиевисте, представителе старой школы Московского университета, сравнивал его с А.Я. Гуревичем, начавшим преподавать в Калининне с 1950 г.

В ноябре 1947 г. в связи с 30-летием Калининского пединститута Радциг был награждён за высокое качество подготовки кадров знаком «Отличник народного просвещения». В тот же год в Горьковском университете вновь открыли исторический факультет и его деканом назначили Архангельского. Кадров не хватало, поэтому Архангельский обращался в Москву к Радцигу. Тот в ответ в сентябре 1947 г. писал:

«Ваше письмо получил вчера и вчера уже говорил с братом. С.Ив. не может сам взять на себя занятия у Вас в университете (его перегрузили в МГУ, и по состоянию здоровья не может отважиться на поездку к Вам), но он обещал порекомендовать Вам надежного человека. Таковой не замедлит Вам написать».

В июне 1949 г. по тому же вопросу Радциг писал: «Несколько лет тому назад Вы обращались ко мне с просьбой рекомендовать специалиста по классической филологии. Теперь у меня таковой есть, высококвалифицированный Виктор Ноевич Ярхо. Он сдал успешно аспирантский экзамен, осенью будет защищать диссертацию. Его очень рекомендует мой брат. Он готов по Вашему вызову приехать к Вам в назначенный срок. Его адрес: Москва улица Чехова ¼ кв. 2»³⁶.

Начало 1948 г. для Радцига было непростым. Он тяжело болел, ездить в Калинин становилось все трудней. В письмах к Архангельскому за 1948 г. он часто жаловался на здоровье: болезнь сердца, «болят глаза», «быстро утомляюсь при чтении, часто дрожат руки, так что не бываешь в силах писать». Осложнялась ситуация в вузах. В письмах к Архангельскому Радциг упоминал, что с марта 1949 г. началась «борьба с призраком космополитизма» в Литературном институте, где он преподавал Средние века, а в МГУ на кафедре, где работал его брат, проходили собрания с резкими обвинениями, и С.И. Радциг ушел с заведования кафедрой. В Калининском пединституте было организовано партсобрание, на котором в грехах космополитизма обвиняли Башкирова.

Летом 1948 г. Радциг и Башкиров приняли решение покинуть Калинин и написали заявления об увольнении. Для дирекции института это было неожиданно, и Радцига просили пересмотреть решение³⁷. Но с 1 января 1949 г. он вышел на пенсию.

³⁶ В.Н. Ярхо не суждено было преподавать в ГГУ. Что-то не получилось.

³⁷ Текст письма директора имеется в Личном деле профессора Н.И. Радцига.

В письмах к Архангельскому осенью 1949 г. Радциг сообщал обстоятельно о своей жизни. Так, 24 сентября он писал:

«Последние три недели что-то чувствую себя плохо. Захватил грипп, а к нему присоединились и прежние недуги. И все это в окружении старости. Около 1 сентября узнал о неприятности в Литературном Институте. Министерство по всем вузам провело сокращение штатов, и у меня в Институте, вместо полной ставки, оказалось пол-ставки. Это внесло большое потрясение в мой бюджет, тем более что случилось совершенно неожиданно. Мы все ждали из Министерства новых программ, а оно порадовало нас убавкой зарплаты... Все надежды теперь на повышение ставок пенсий. Что ставки эти в ближайшее время будут увеличены, об этом говорят все, но как и когда? Многие уже не дождалась этой милости. На днях умер известный, вероятно, Вам Александр Алексеевич Фортунатов. Насчет новых размеров пенсий говорят разное. Большинство утверждает, что за 25-летнюю работу в Вузах будет дано половина последней Вашей зарплаты. Вот это меня и огорчило. Если бы у меня сохранилась полная ставка, то я бы стал получать в месяц 3000 р., а теперь входит вдвое меньше.

Вот это одно тяжелое мое переживание последних недель. Другое основание к тревоге порождает во мне воздвигаемая рядом с домом Вавилонская башня. наших московских хозяев новый вид постройки очень занимает... Это, естественно, может быть роковым и для моей библиотеки. Куда мне с ней деваться? К тому же сын мой выбрал себе такую специальность (авиация), для которой книги по истории и всеобщей литературе не нужны. Единственное, что меня еще удерживает расстаться с моим научным аппаратом, это еще не окончательно порвавшаяся связь с наукой. Тем более что ходить по читальням и библиотекам теперь я уже не могу по состоянию здоровья. Вот почему я очень прошу Вас, когда Вы будете в Москве, как-нибудь зайти ко мне и посмотреть мои книжные накопления...

Книжных новостей мало. По новейшей истории вышла книга Штейна «Парижская мирная конференция. 1919–20 г. «Русский вопрос»³⁸. Интересен сборник «Немецкая поэзия революции 1848 г.» Сегодня на выставке в магазине видел книгу: «Книга для чтения по истории Средних веков». Самому напечатать ничего не удастся. Очень жаль, что без движения остался мой перевод Лабозси «Рассуждение о добровольном рабстве», а также Кальвин Трактат о религии». Далее Радциг писал о ситуации в Москве. «Из общих знакомых недавно видел В.Н. Бочкарева. Он все еще держится в М.Гор.Пед.Институте, несмотря на подкопы против него со стороны директора Щеголева. В защиту Бочкарева выступал на Институтском совете покойный Фортунатов, произнесший гневную речь против директора и назвавший его новым Филиппом II. Эффект получился поразительный, но все это стоило защитнику сердечного припадка и через некоторое время смерти».

В письмах начала 1950-х гг.³⁹ Радциг беспокоился, что его дом находится под угрозой сноса, его пугал переезд, перевозка большой библиотеки и обстановки. Ведь в этой квартире жили его родители еще до

³⁸ Штейн. 1949.

³⁹ Три письма за 1954–1955 гг. Радцига к Архангельскому находятся в Архиве РАН. См.: Ф. 1530. Оп. 4. № 86. Их содержание мне неизвестно.

революции. В итоге дом стоит и сейчас рядом со зданием Министерства иностранных дел, а семья Николая Ивановича была переселена в Фили.

Профессор Николай Иванович Радциг скончался в Москве 29 января 1957 г. Профессор Сергей Иванович Архангельский, пережив коллегу на 1,5 года, умер скоропостижно за рабочим столом осенью 1958 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Воробьева И.Г., Кузнецов А.А.* Историк Запада в российском провинциальном вузе: Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 36 Специальный выпуск: Интеллектуальная культура и ученые сообщества Европы в Новое время. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 377–402.
- Ермаков А.М.* Разгром преподавательских кадров Ярославского пединститута в начале 1930-х гг. и его последствия // Ярославский педагогический вестник. 2001. № 3–4. С. 135–143.
- Кауркин Р.В., Кузнецов А.А., Сапон В.П. и др.* Век на педагогической ниве. К столетнему юбилею НГПУ. Нижний Новгород: НГПУ, 2011. 168 с.
- Профессор Анатолий Иванович Вершинский. Дневник. Воспоминания / Предисл. И.Г. Воробьевой; подгот. текста И.Г. Воробьевой, Т.П. Сергеевой. Тверь, 2005. Профессора ЯГПУ. 1908–2008: биографические очерки /сост. А.В. Ерёмин; под ред. проф. М.В. Новикова. Ярославль, 2008.
- Каплан А.Б.* Путешествие в историю. Французы в Индии. Изд. 2-е, доп. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979 // <http://readr.ru/a-карпан-puteshestvie-v-istoriyu-francuzi-v-indii.html#ixzz1iPф8Uhzr>
- Кузнецов А.А.* С.И. Архангельский (1882–1958). Вехи научного пути // *Пиренн А.* Средневековые города и возрождение торговли. Нижний Новгород: НГПУ, 2009. С. 146–168.
- Малиновский В.В.* Дорогами памяти. Т. 2. М., 1998.
- Радциг Н.* Начало римской летописи // Ученые записки императорского Московского ун-та. Отдел историко-филологический. М., 1904. Вып. 32. С. 1–53.
- Радциг Н.И.* Traite des reliques Кальвина, его происхождение и значение // Средние века. 1942. Вып. 1. С. 150–163.
- Радциг Н.И.* Этьен де Лабозси – предшественник монархомахов-тираноборцев XVI в. // Средние века. 1946. Вып. 2. С. 323–332.
- Радциг Н.И.* Страница из истории французского империализма XVIII в. Дюпле в Индии. 1722–1754 // Труды Ярославского педагогического института. Т. IV, вып. I. Ярославль, 1929.
- Савин А.Н.* Дневниковые записи 1914–1917 гг. // Записки отдела рукописей РГБ. Вып. 52. М., 2004.
- Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. 464 с.

Воробьева Ирина Геннадиевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Тверского государственного университета; Dubrovnik@mail.ru